

стьяне, сталъ собственностью барина графа Волькенштейна.

— Какъ же дѣдъ вашъ не пожаловался правительству, суду?—возмущалась Елена Дмитріевна:—это ужъ, дѣйствительно, по-турецки какъ-то, по нашему, выходитъ. На моей родинѣ, кажется, это самое обыкновенное, или, какъ русскіе крестьяне здѣсь иронически говорятъ, самое разлюбезное дѣло. Но у васъ въ Россіи,—Боже мой, Боже мой!.. Неужели же не было суда на такихъ несправедливыхъ людей?

— Въ тѣ-то времена? Помилуйте, какіе были тогда суды! — отвѣчалъ Щепкинъ: — тогда царило „слово и дѣло“. По одному хотѣнію, по одному капризу—ну, просто не понравился человѣкъ, его и драли, и сажали въ тюрьму, и держали сколько хотѣли. А то и хуже бывало... Ну, да что вспоминать. Прочтите хоть басни Крылова или Хемницера. Тамъ про старинные суды все есть. Полная характеристика. Забудьте, суды, высмѣянные этими баснописцами, относились къ нѣскольکو болѣе позднему времени, и все-таки были полны злоупотребленій. Что же было, представьте себѣ, тогда, въ эпохи временщиковъ? Нѣтъ, дорогая Елена Дмитріевна, тутъ бѣдному судиться и помышлять нельзя было: „съ богатымъ не тягайся“, говорили всѣ тогда. И говорили справедливо.

— Ахъ, какъ мнѣ васъ жаль бѣдненькій, бѣдненькій вы мой! — заплакала добрая дѣвушка, и вдругъ, оборвавъ горькія изліянія, сразу объявила, обнявъ шею искренняго человѣка, на лицѣ котораго было написано такъ много страданія: